

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ¹

ИГОРЬ ИСТОМИН, АНДРЕЙ БАЙКОВ
МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Резюме

Наметившаяся тенденция расширения границ международного научного пространства за счет инкорпорирования национальных школ международных исследований незападных стран и превращения его если не в глобальное, всемирное, то хотя бы в трансрегиональное и отчасти трансконтинентальное, пока мало затрагивает отечественное академическое сообщество. Российские исследователи плохо интегрированы в международные дискуссии об основных направлениях политических, экономических и социальных аспектов глобального развития, а следовательно, лишены возможности влиять на интеллектуальное «обрамление» международной среды. Настоящая статья представляет собой результат сравнительного изучения отечественных и зарубежных научных и публикационных практик. Его целью было выявление реальных и мнимых барьеров на пути усиления участия российских авторов в глобальной академической коммуникации. Авторы исходят из того, что устоявшиеся научные практики-институты, вырабатываемые в процессе взаимодействия членов исследовательского сообщества, представляются важнейшим элементом регулирования характера публикуемых научных результатов. С 2012 г. на государственном уровне было принято множество решений, направленных на вовлечение отечественной науки в нормальный международный контекст. Подобные шаги так или иначе касаются и сферы общественно-научных исследований, в том числе изучения международных отношений и мировой политики. Их результатом стало форсированное принятие формальных требований к научным публикациям. Неудивительно, что ключевым проводником этого процесса выступили научные издания. В то же время проведенный анализ свидетельствует, что процесс интернализации новых стандартов и практик далек от завершения. Эпистемологические и методологические основания российской школы социально-гуманитарных изысканий существенно отличаются от западных аналогов. Основные различия заключаются в определении целей и структурирования научных публикаций, а также в понимании критериев научности проводимых исследований. В этой связи в работе формулируются предложения, направленные на более успешную интегра-

---

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках реализации социально значимого проекта по президентскому гранту при поддержке Института социально-экономических и политических исследований. Авторы статьи хотели бы выразить благодарность И. Гармаевой, О. Тропашко, Т. Тюкаевой, которые содействовали в подготовке эмпирических данных, а также всем экспертам, согласившимся принять участие в интервью, и коллегам, которые принимали участие в ее обсуждении.

цию российской школы международных исследований в глобальный академический дискурс. Настоящее исследование подготовлено на основе мониторинга самопозиционирования, требований к авторам и статей ведущих отечественных и международных журналов, а также «глубинных интервью» с участием редакторов и издателей российских и западных научных изданий и авторов, имеющих опыт опубликования в России и за рубежом.

Ключевые слова:

глобальный академический дискурс; исследования международных отношений; научная политика; ведущие научные журналы; российская школа ТМО; международные реферативные базы данных; США; Великобритания.

Неотъемлемым компонентом процесса формирования транснациональных связей планетарного охвата становится складывание общего пространства интеллектуального отражения и осмысления закономерностей и трендов развития социальных систем в их историческом, политическом, экономическом, социологическом и культурном измерении [Войтоловский 2006]. Со все большими основаниями можно говорить о становлении глобального академического дискурса в общественных науках и тесно связанных с ней областях экспертизы государственной политики.

Несмотря на то что исторически данный дискурс формировался на западной основе, на базе американского опыта развития университетских исследований [Баталов 2014: 9–10] и его глобализации, сегодня он все активнее вбирает в себя общественно-научные школы европейских и даже западных стран (прежде всего растущих центров международного влияния – Китая, Турции, Индии [Tickner, Waever 2009; Acharya, Vuzan 2010; Чжан Жуйчжуан, Королев 2010; Грачиков 2014]). Под воздействием наиболее успешных представителей новых школ, которые начинают занимать влиятельные позиции в международном исследовательском сообществе, он существенно трансформируется содержательно, сохраняя при этом базовые методологические установки и институционально-организационные характеристики.

Российское экспертно-аналитическое сообщество сегодня оказывается в значи-

тельной степени на периферии этого процесса [Цыганков, Цыганков 2014], отставая в репрезентации своих общественно-научных наработок не только от европейских, но и от ряда крупных развивающихся стран². Неадекватная представленность отечественных исследователей в глобальных академических дискуссиях фактически эквивалентна недостаточной способности оказывать влияние на интеллектуальную среду, определяющую подходы к решению фундаментальных и частных проблем политического, экономического и социального развития мира с учетом интересов российского общества и государства.

В этой связи на официальном уровне была выдвинута задача более деятельного вовлечения отечественного исследовательского сообщества в мировую научную коммуникацию³. В ее решении основной акцент был сделан на поддержку естественнонаучных школ. В выстраивании международных взаимодействий специалистов общественно-научного профиля важно учитывать особенности соответствующих областей знания и сложившихся в них стандартов и практик.

Успешная интеграция российских исследователей в глобальный академический дискурс невозможна путем прямого копирования зарубежного опыта. Такой подход может привести к утере имеющихся продуктивных наработок, а значит, и сравнительных преимуществ отечественных школ, которые обладают существенной самостоятельной ценностью [Богатуров 2004;

² В то же время подобная периферийность характерна и для ряда крупных западных школ – прежде всего, французской.

³ Указ Президента Российской Федерации № 599 "О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки". URL: <http://5top100.ru/upload/iblock/fa5/fa59da2ed5ba2da3352d1045ed2c2d6e.pdf> (дата обращения: 27.05.2015).

Цыганков 2013; Цыганков, Цыганков 2006]. Одновременно при взаимодействии с международной академической средой невозможно игнорировать и существующие ограничения и специфику в подготовке и устоявшихся методах работы российских специалистов. Таким образом, повышение представленности отечественного экспертно-аналитического голоса в международных дискуссиях возможно только с учетом сложившихся в сообществе подходов к подготовке и предъявлению научных результатов.

Целью проведенного исследования стало установление и обобщение основных различий в отечественных и зарубежных научных и публикационных практиках и выявление барьеров на пути интеграции российских изданий и авторов в глобальный академический дискурс.

Отдельные аспекты современных научных практик становились предметом подробного изучения широкого круга зарубежных исследователей. В частности, большое внимание уделялось и уделяется проблеме соотношения дальнейшего углубления фундаментально-теоретических разработок с задачами их применения к решению прикладных проблем [Jentleson 2002; Ish-Shalom 2006; Lepgold 1998; Lepgold, Nincic 2001; Walt 2005]. В 2008 г. эта тематика стала предметом специальной дискуссии, организованной флагманским журналом Ассоциации международных исследований с участием ведущих мировых ученых *International Studies Quarterly* [Tickner, Tsygankov 2008].

Передовые стандарты подготовки научных публикаций получили отражение в трудах по методологии проведения количественных и качественных исследований [Bennett, Checkel 2015; Brady, Collier 2010; George, Bennett 2005; King, Keohane, Verba 1994]. Вместе с тем в последнее время начинает звучать все больше критических оценок доминирующей в западном исследовательском сообществе гипотетико-дедуктивной логики построения научных работ. В разных формах эта критическая струя присутствует в работах: Р. Кларка и Д. Примо [Clarke, Primo 2012], Д. Левина и

А. Бардера [Levine, Barder 2014], Дж. Миршаймера и Ст. Уолта [Mearsheimer, Walt 2013]. Наконец, релевантными в контексте нынешней работы представляются дискуссии относительно повышения прозрачности представляемых научных результатов [Altman, King 2007; Lupia, Elman 2014; Moravcsik 2014a; Moravcsik 2014b].

На фоне активной разработки отдельных вопросов подготовки и презентации общественно-научных результатов *в зарубежной литературе практически отсутствуют обобщающие труды, охватывающие научные и публикационные практики в сфере изучения международных отношений как интернационального, но вместе с тем целостного, социально-конструируемого явления. В российской исследовательской литературе эта тема является еще менее изученной.* Отечественные специалисты большее внимание уделяют особенностям организации науки «на входе» — моделям государственной и иной поддержки исследовательской деятельности, а не ожидаемым результатам исследовательских усилий «на выходе» и формам их предъявления.

В этом отношении предлагаемая читателю статья призвана привлечь внимание к обратной стороне рассматриваемого явления — всестороннему изучению положения именно «на выходе», технологическим и субстантивным особенностям публикации подготавливаемых научных материалов, сопоставляя российские и зарубежные журнальные стандарты. Следует подчеркнуть, что имеющиеся российские труды в этой области преимущественно представлены наукометрическими публикациями, стремящимися охарактеризовать имеющиеся способы и инструменты измерения и оценки продуктивности исследовательской работы [Маршакова-Шайкевич 2008]. В то же время вне фокуса внимания такого анализа остаются многочисленные качественные различия (содержательные и организационные) исследовательских дискурсов. Исключение в этом отношении представляет сборник «Российская наука международных отношений: новые на-

правления», опубликованный в середине 2000-х годов [Цыганков, Цыганков 2005].

Настоящее исследование осуществлялось на основе *методологии* качественного анализа путем структурированного сравнения стандартов и практик зарубежных изданий как между собой, так и с российскими журналами⁴. С учетом неравномерности любого социального сообщества, основной акцент был сделан на изучении того, что можно обозначить как «лучшие практики» в России и на мировой арене. В этой связи основное внимание уделялось опыту ведущих отечественных и зарубежных специалистов и изданий, научно-аналитический уровень которых представляется авторам исследования сопоставимым с зарубежными аналогами, а в разработке отдельных тем — превосходящим их. Очевидно при этом, что значительную часть публикаций как в России, так и за рубежом, составляют работы, которые не вполне соответствуют высоким требованиям, рассмотренным в статье.

В ходе работы использовались результаты тематического мониторинга ожиданий и предпочтений зарубежного издательского и редакционного сообщества, составленного на основе изучения их официальных страниц в Интернете, а также материалы 30-ти экспертных интервью, проводившихся с редакторами отечественных и зарубежных научных изданий, представителями ведущих международных издательств, а также с российскими и иностранными исследователями, имеющими опыт публикаций в международных журналах. Результаты исследования обсуждались в ходе тематических круглых столов, проходивших в МГИМО и МГУ имени М.В. Ломоносова в мае 2015 года.

1

Понятие «социальных практик» устоялось в качестве одной из ключевых категорий современных общественно-научных исследований. Его первичную концептуализацию связывают с работами австрий-

ского философа Л. Витгенштейна [Schatzki 1996] (в частности, с его трудом «Философские исследования») [Витгенштейн 1985]. Впрочем, основная фаза проникновения этого понятия в исследовательский дискурс и утверждения в нем была связана с «интерпретативным поворотом» в социологии 1970-х годов [Шугальский 2012: 276]. В его развитии большую роль сыграли работы М. Фуко, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Г. Гарфинкеля [Reckwitz 2002: 243].

Интерес к исследованию социальных практик возрос на фоне попыток преодолеть жесткость научных противопоставлений структуры и агента [Гидденс 2008]. Обращение к ним позволяло по-новому рассмотреть один из фундаментальных научных и философских вопросов о степени детерминированности поведения членов общества, реальности или иллюзорности свободы их воли. В то время как традиционные социологические подходы предполагали жесткую обусловленность поведения индивида организацией системы, в которую он погружен, теория социальных практик утверждала интерактивный и взаимно конституирующий характер взаимодействия агентов и структуры.

В этой связи наличие социальных практик связывается с соотношением субъектами собственных действий с утвердившимися представлениями о допустимом и желательном и одновременно с их деятельностью по изменению окружающего мира [Бурдьё 1994]. Результатом внедрения этой категории стало смещение акцента в исследованиях с поиска детерминирующих движущих сил на разбор процесса конструирования социальной реальности.

Описанный парадигмальный сдвиг в изучении общественных процессов затронул и сферу социологии науки. Существенный вклад в обоснование значимости анализа исследовательских практик внесли французский специалист Бруно Латур и его британский коллега Стив Вулгар [Иванова 2012]. В своих работах [Латур 2013; Latour,

⁴ Подробнее о методологии см. [George, Bennett 2005].

Woolgar 1986] они обращают внимание на динамику формирования научного знания в условиях взаимодействия исследователей и видят в исследовательской деятельности попытку упорядочить и систематизировать информацию, которая для обывателей представляется беспорядочной амальгамой эмпирического материала. Задачей научной работы в этом смысле становится выбор из множества конкурирующих интерпретаций наблюдаемых явлений и феноменов наиболее предпочтительной. Способность участников академического сообщества единообразно трактовать реальность и договариваться о критериях научности или справедливости выдвигаемых гипотез обусловлена навыками и знаниями, которые они получают в процессе обучения и совместной работы, их социализации в науке.

В отличие от работ Латура и Вулгара, настоящее исследование не ставит, разумеется, задач антропологического изучения формирования общественно-научного знания в исторической ретроспективе. В данном случае категория «научных и редакционных практик» используется для отражения устоявшихся моделей получения и представления исследовательских результатов. Конструктивистская природа этого понятия позволяет отразить как отсутствие однозначной детерминированности, так и неслучайность их возникновения, подчеркивая зависимость современной ситуации от предшествовавшего ей коллективного социального опыта. Одновременно категория научных практик позволяет инкорпорировать в предметную область исследования проблематику, с одной стороны, реально наблюдаемого многообразия существующих моделей получения и представления исследовательских результатов, а с другой — размытости границ между ними, отсутствия жестких, формализованных барьеров.

В отличие от традиционного анализа нормотворческой деятельности, характерного прежде всего для правовой науки, исследование становления социальных практик обусловлено присущим им неформальным характером возникающего регулиро-

вания. В их отношении невозможно определить конкретную дату утверждения, приписать авторство отдельному субъекту или выявить документ, кодифицирующий и закрепляющий возникающие правила поведения. В этой связи при изучении их становления представляется полезным использовать модель «жизненного цикла», разработанную американскими исследователями М. Финемор и К. Сиккинк применительно к процессу вызревания международных норм. Данная модель позволяет оценить уровень возможных затрат на реализацию норм и степень их стабильности. По мнению ее авторов, успешность введения новых правил неизбежно связана с внешним мониторингом и контролем над их соблюдением, но по мере усвоения и «опривычивания» требований участниками значение такой деятельности снижается, а сам процесс нормативного регулирования начинает принимать самоподдерживающий и в этом смысле спонтанный характер, обретает известную силу инерции.

Модель Финемор и Сиккинк включает в себя три основных стадии развития формального и неформального регулирования: зарождение, «каскад» и интернализацию норм [Finnemore, Sikkink 1998]. На первом этапе будущие нормы артикулируются инициатором их принятия, который использует имеющиеся у него ресурсы для оказания давления на членов целевого общества. На втором — под влиянием рационального расчета все большее число участников социальной системы начинает их исполнять, так как конформность оказывается для них выгодной стратегией поведения. Интернализация норм, третья фаза их жизненного цикла, связана с ширящимся их принятием в качестве самооценных и приводит к тому, что социальные агенты начинают исполнять их без внешнего принуждения и даже в отсутствие очевидной, непосредственной выгоды.

С нашей точки зрения, модель «жизненного цикла» может быть вполне применима к эволюции научных и редакторских практик в России в настоящее время. Ранее отмечалось, что в последние годы

роль основного инициатора нововведений в отечественной науке принадлежала государственным ведомствам, которые используют, часто некритически, в качестве референтной модели западные исследовательские и публикационные практики. Важнейший инструмент, применяемый Министерством образования и науки для внедрения этих норм, – растущее грантовое финансирование. Доступ к бюджетным средствам как на уровне отдельных исследователей, так и крупных научных институтов обуславливается публикациями в изданиях, индексируемых в международных реферативных базах данных (главным образом универсальных – Scopus, Web of Science, но также и в некоторых отраслевых)⁵.

Другой механизм, используемый правительством, – императивные требования в адрес ведущих научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для публикации научных результатов диссертаций⁶. От них ожидается более четкий выбор дисциплинарной специализации, «тотальное» использование внешнего рецензирования для оценки рукописей, оформление библиографии в соответствии с международными стандартами, представление метаданных⁷ для англоязычной аудитории.

В отношении исследовательских сообществ Министерство выступает в качестве источника внешнего давления, определяю-

щего условия доступа как к материальным, так и к статусным ресурсам. При этом оно обладает ограниченными возможностями мониторинга и контроля, связанными прежде всего с отсуживанием ряда формальных критериев⁸.

Фиксируется переход и ко второй фазе цикла: в отечественном научно-исследовательском сообществе в последние три-четыре года наблюдается каскад признания импортированных норм. Роль проводников этих нововведений выполняли сами научные журналы. В рамках развернувшейся «гонки за Скопус» в настоящее время ведущие издания четче прописывают редакционную политику и требования к статьям, принимают формальные обязательства по следованию публикационной этике, внедряют процедуру «двойного слепого рецензирования». Показателен рост числа специализированных публикаций, посвященных различным аспектам работы научных изданий, в том числе совершенствованию их Интернет-сайтов [Григорьева 2014; Кирсанов 2014]. Соответственно, исследователи, заинтересованные в публикации своих исследований и продвижении по карьерной лестнице, вынуждены соответствовать устанавливаемым критериям.

Таким образом, в настоящее время международные публикационные практики все больше формализуются в качестве обязательных требований институтами, обеспечивающими поддержку научной деятельно-

⁵ См., например, Конкурсная документация на проведение открытого публичного конкурса на получение грантов Российского научного фонда по приоритетному направлению деятельности Российского научного фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами». 5.02.2014. URL: http://рнф.рф/sites/default/files/docfiles/konkursnaja_dokumentacija.pdf (дата обращения: 28.05.2015).

⁶ Приказ Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793. Об утверждении правил формирования в уведомительном порядке перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. URL: <http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/513662/4.+%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7%20%E2%84%96%20793+%D0%BE%D1%82%2025.07.2014.pdf/d1c208f5-55a2-40c0-9243-d91937ead477> (дата обращения: 28.05.2015).

⁷ Под метаданными понимаются название статей, информация об авторах, редакции, пристрастные аннотации.

⁸ *Ивойлова И.* В мониторинге вузов учтут трудоустройство выпускников // Российская газета. 22.12.2014.

сти и представление ее результатов. Наиболее ярким свидетельством последнего становится опыт «Вестника МГИМО-Университета», который требует представления статей в соответствии со специальной формой, воспроизводящей логику построения статей в международных журналах⁹.

В то же время сама необходимость в формализации подобного рода требований свидетельствует о том, что интернализация международных научных практик на уровне российского научного сообщества до сих пор не произошла. Их воспроизводство в отечественных публикациях зависит от постоянного внешнего воздействия («структурного», в том числе экономического, принуждения). Анализ материалов многих отечественных научных изданий свидетельствует, что и в них новые стандарты зачастую выполняются исключительно формально – лишь в связи с необходимостью выполнения государственных требований. Вот почему в рамках настоящего исследования представлялось полезным сопоставить научные и публикационные практики в тех сферах, которые менее подвержены формальному регулированию. В этих целях были выделены эпистемологические, методологические и структурные различия в подготовке и представлении научных результатов, а также собственно демаркации научной деятельности.

2

Несмотря на формирование глобального академического дискурса, между отдельными исследовательскими культурами продолжают сохраняться существенные национальные, региональные и парадигмальные различия. Показательно, что даже западное научное сообщество неомогенно и характеризуется серьезными метатеоретическими и методологическими различиями. Еще в 1990-х годах О. Уэвер отмечал растущий разрыв между доминирующим в

США позитивизмом и рефлексивизмом, постструктуралистским теоретизированием, характерным для ведущих европейских школ [Waever 1998].

Подобное разделение в целом сохраняется. Согласно опросу «Преподавание, исследование и международная политика», проведенному в 2011 году, более половины американских специалистов исповедуют различные типы рационализма (57%). При этом доля сторонников наиболее радикальной его формы – теории рационального выбора (ТРВ) – достигает 7%. Между тем из 6 европейских стран, в которых проводилось исследование похожая ситуация характерна лишь для Ирландии (53%) и Норвегии (66%).

Крупным западным школам за пределами Соединенных Штатов присуща критика рациональности участников международной политики. В Великобритании к ее выразителям себя относят 67% исследователей и только 3% используют ТРВ. В Австралии критиков рационализма 63%, а сторонников ТРВ – 3%, в Новой Зеландии – 71% и 0, Финляндии – 75% и 0% соответственно. В других европейских странах разрыв несколько меньше, но тоже существен: во Франции – 50% и 2%, Дании – 55% и 9%, Швеции – 57% и 4%. Даже в географически близкой к Соединенным Штатам Канаде противники допущения о рациональном поведении политических игроков находятся в большинстве – 54%. Не удивительно, что, если в США 59% исследователей характеризуют себя как позитивистов, в Великобритании таких только 27%, во Франции – 32%, в Дании – 34%, в Австралии – 35% [Maliniak 2012]. Аналогичная ситуация характерна и для невошедшей в исследование Германии¹⁰.

Существующие эпистемологические различия отражаются на выборе предпочитаемой методологии. Из числа участников исследования «Преподавание, иссле-

⁹ В соответствии с англоязычным акронимом, формат получил название IMRAD: введение, методология, результаты и их обсуждение [Naig 2014: 13–25].

¹⁰ Интервью с Г. Шнайдером (Профессор Университета Констанца, ФРГ, редактор журнала *European Union Politics*).

дование и международная политика» 46% американских специалистов заявили, что используют количественные методики анализа¹¹. В Великобритании и Франции аналогичный показатель составил 20% и 19%, соответственно (при этом в качестве основного метода в своих исследованиях их используют 6% и 2%). Как и в случае метатеоретических оснований исследования из общего круга европейских стран выбиваются Ирландия и Норвегия, в которых к количественной методологии прибегают 49% и 57% специалистов¹².

Сформировавшийся эпистемологический разрыв отчасти спровоцирован методологическими причинами. В США с 1960-х годов стремление к утверждению «международных отношений» в качестве научной дисциплины выразилось в активных попытках математизации исследований по аналогии с тем, как это происходило в экономике и политологии. Между тем в европейских странах постструктуралистский релятивизм оказал гораздо большее влияние на общественные исследования [Цыганков, Цыганков 2006: 99–100, 111–112]. Существующие количественные методики не давали подходящего инструментария для проведения дискурсивных исследований, изучения языковых и культурных основ политического поведения.

Есть и другой аргумент: в неанглосаксонском научном ареале бытует мнение, согласно которому применение в общественных науках (история, политология, международные отношения) методологии, основанной на эмпирической верификации гипотез, причем часто – с использованием математического аппарата – это просто латеня, ненужная работа, которая реально не приводит к приращению знания, а гипотезы, которые подлежат под-

тверждению в статье, опубликованных в «эталонных» американских научных журналах, очень часто «банальны» и не требуют доказательства, если исходить из элементарного здравого смысла.

В качестве аргумента в пользу этой точки зрения можно услышать довод о неслучайности того, что в США, например, многие «полные профессора», получив в Университете пожизненный контракт (*tenure*), зачастую перестают публиковаться в реферируемых журналах, а все их статьи в *Scopus* и *Web of Science* относятся к периоду защиты ими диссертации или подготовки к присуждению профессорского звания. Становясь профессорами, они в основном пишут в научно-популярные издания, собственные блоги, ведут колонку в газете или издают монографии, не желая увязнуть в редакционной волоките.

Аналогичный разрыв продемонстрировали и интервью, проведенные в рамках настоящего исследования. Вместе с тем результаты опроса ставят под сомнение прогноз, сделанный О. Уэвером о том, что обозначившиеся различия между американской и европейскими школами продолжат нарастать [Waever 1998: 689]. Ряд интервьюированных специалистов¹³ отметили, что в последние годы наблюдаются изменения в эпистемологических и методологических предпочтениях европейских школ. Стремление повысить конкурентоспособность собственных работ на фоне доминирования американских исследователей, университетов и научных изданий толкает их к необходимости частичной рецепции американских методологических и эпистемологических установок. Актуальным направлением современного развития международных исследований становится экспансия научных практик США, кото-

¹¹ Противопоставление количественных и качественных методов – традиционное разделение в методологии общественных наук. В докладе «Преподавание, исследование и международная политика» под первыми понимаются, прежде всего, различные статистические способы анализа эмпирических данных. В других случаях в эту категорию также включают теоретико-игровое моделирование.

¹² Норвегия – исключительный пример доминирования количественной методологии, тогда как во всех других изученных странах она менее популярна по сравнению с качественными исследованиями.

¹³ Интервью с Б. Хойзер (профессор Университета Реддинга, Великобритания, редактор журнал *Cold War History*), Г. Шнайдером.

Таблица 1
 Эпистемологические и методологические предпочтения ведущих отечественных изданий
 по международным отношениям¹⁵

№	Журнал	Доля работ, использующих антропологические, дискурсивные, культурные или семиотические объяснения политических явлений	Доля работ, использующих количественные методы анализа
1	Вестник международных организаций	23,5	20,6
2	Международные отношения	40,9	0
3	Международные процессы	46,2	0
4	Мировая экономика и международные отношения	26,7	5
5	Полит. Политические исследования	51,7	13,3
Общая доля		35,9	6,9

Источник: расчеты авторов на основе публикаций журналов.

рые приобретают большее распространение и признание в традиционных европейских ареалах.

Становление российской школы международных исследований происходило, как и в случае ее европейских аналогов, прежде всего, с опорой на достижения исторической науки [Богатуров 2004; Торкунов 2012]. Несмотря на длительный период развития под идеологическим прессом марксистской доктрины экономического детерминизма (а может, и благодаря ему) [Цыганков, Цыганков 2005: 25–29; Тюлин 2002: 395–397], она в меньшей степени, чем американские школы, испытывала на себе влияние бихевиористских достижений в экономике. К тому же она формировалась в условиях необходимости давать непосредственную отдачу для внешнеполитической практики [Хрусталева 2006].

В этой связи методология количественных исследований в России получила еще меньшее распространение, чем в других европейских странах. Анализ публикаций 5 ведущих отечественных журналов международно-политической направленности за 2014 г. продемонстрировал, что статьи, содержащие компонент количе-

ственных исследований, составили около 7% от всех размещенных в них материалов. С учетом широкого, междисциплинарного фокуса отечественных изданий они включают в себя в основном публикации политологического, социологического и экономического характера, которые не всегда имеют прямое отношение к международным исследованиям. Кроме того, в их число вошли, работы, представляющие собой качественный анализ результатов количественных опросов, проведенных самими авторами¹⁴.

В российских работах практически не применяются методики статистического анализа количественных данных. В большинстве случаев речь идет об описательном использовании статистической информации. Крайне редко встречаются и примеры формализованного моделирования. Выводы нашего исследования в данном случае весьма сходны с результатами анализа, проведенного Д.А. Дегтеревым и опубликованного в настоящем номере.

В качестве сопоставления, стоит отметить отсутствие в смежных дисциплинах (исторических, экономических, юридических) схожих методологических барьеров

¹⁴ В остальных случаях дескриптивное использование статистики не засчитывалось.

¹⁵ В анализ вошли пять ведущих журналов по показателю Science Index на 2014 год в категории «Политика. Политические науки». Из них были отобраны только издания, в которых международно-политическая проблематика является основной или занимает существенное место. Журнал *Международная жизнь*, который соответствует этим критериям, был исключен в связи с его преимущественно экспертно-аналитической и публицистической, а не строго научной направленностью.

между российским и западным (или точнее американским) научными сообществами¹⁶. В них методики, которыми пользуются авторы, гораздо более схожи. Подобная специфика международно-политических исследований, по-видимому, определяется их промежуточным положением между общественными науками, которые по своему научно-методологическому обеспечению (прежде всего, уровню математизации) приближаются к естественнонаучным дисциплинам (в первую очередь, «Экономика» и «Социология») и теми, которые полагаются на традиционные нарративные виды анализа (среди них, например, «История», «Антропология»).

Подобные методологические предпочтения позволяют сделать вывод о сходстве установок отечественных исследователей и представителей других европейских научных школ. Между тем на более глубоком эпистемологическом уровне между ними пролегают принципиальные различия.

Ранее уже отмечалось влияние постпозитивизма на развитие международных исследований за пределами США. Подобная тенденция оказала меньшее влияние на Россию по сравнению с большинством других европейских стран. Анализ отечественных публикаций за 2014 г. свидетельствует, что лишь в 35,9% статей присутствуют элементы антропологического, дискурсивного, культурологического, или семиотического анализа, характерных для постпозитивистских исследований¹⁷. Выявленные в недавнем исследовании А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова ключевые концепции российской теории международных отношений также отражают позитивистский взгляд на изучение международных процессов и явлений. Между тем в осмыслении отечественной внешней политики, напротив, ключевое место занимают вопросы идентичности, в анализе которых большую роль играет постструктуралистский анализ [Цыганков, Цыганков 2014: 94].

В эпистемологическом смысле российская школа международных исследований до сих пор занимает промежуточное положение между американским и европейским полюсами международного академического дискурса. Ее в гораздо большей степени, чем британских и континентальных исследователей, волнуют вопросы структурной организации мировой системы, полярности и стратификации государств. Одновременно ее представители обращаются к конструктивистским объяснительным схемам при изучении внешнеполитического сознания. При этом в большинстве случаев для российских специалистов такое сочетание не представляется проблематичным — для них нехарактерно противопоставление позитивистских и постпозитивистских объяснений. Подобное совмещение можно найти в работах ряда ведущих представителей дисциплины А.Д. Богатурова [2008; 2006], А.Д. Воскресенского [2006; 2013], Н.А. Косолапова [2002; 2008], Т.А. Шаклейной [2012] и других.

Подобная «всеядность», с точки зрения иностранного наблюдателя, на деле отражает своеобразие исторического развития отечественных исследований международных отношений. Оно породило принципиально иную систему демаркаций и разделительных линий в российском научном сообществе, отражающих, скорее, динамику внутренней дискуссии. Последняя проявилась в капитальном по своему дисциплинарно-методологическому значению споре о соотношении предметных границ, методологии и, если угодно, эвристическом потенциале международных отношений, с одной стороны, и мировой политики — с другой. Как следствие, в российской незрелой, неокрепшей, делающей по существу первые шаги школе ТМО в результате дробления предметной области на два сегмента возникла угроза формирования субтеорий, институционально обособленных научных школ и в результате угроза утраты

¹⁶ Интервью с П.А. Калиниченко, Р. Коннолли, С.В. Рязанцевым (руководитель Центра Института социально-политических исследований РАН), А. Федяшиным.

¹⁷ При этом наибольшая доля таких статей наблюдается в журнале *Полис*, который в большей степени ориентирован на внутриполитическую проблематику.

общего представления о предмете, что отразилось в развернувшихся на эту тему эпистемологических дискуссиях [Богатуров 2005; Цыганков 2013].

В зарубежной науке мировая политика не противопоставляется международным отношениям, а рассматривается как главная системообразующая связь в рамках международных отношений, наряду с другими — мировой экономикой, мировой безопасностью и т.д. [Цыганков 2013]. В России, однако, данный спор привел не просто к выделению новых разделов в науке, но означал обособление мировой политики как научной и учебной дисциплины с соответствующей институционализацией всех сопутствующих ее возникновению явлений — созданию кафедр, факультетов, журналов, включая появление «канонического» учебника [Лебедева 2003].

Важно подчеркнуть при этом, что благодаря институционализации мировой политики, произошла по существу легитимация неоллиберальной, а затем и социал-конструктивистской школы исследования международных отношений с их традициями, аксиоматикой и исследовательскими приоритетами. В противном случае, на фоне доминирования структурно-реалистской парадигмы в российских международных исследованиях, широкого ознакомления с ними нашего сообщества политологов-международников попросту не произошло бы ввиду предметно-методологической нерасчлененностью школ и подходов в рамках существующего в мировой науке парадигмального деления.

По-видимому, на этапе второй половины 1990-х годов ряду специалистов проще было обособиться и уйти в другую дисциплину, чем доказывать свою принадлежность к другой исследовательской традиции. В этом состояла в конце 1990-х годов огромная созидательная сила этой исключительно внутрироссийской дискуссии, которая способствовала открытию российской научной общественностью нового инструментария и

новых подходов в специфической ситуации 1990-х годов — начала 2000-х, характеризовавшейся перекосами в сторону политической философии, с одной стороны, и истории международных отношений и истории дипломатии — с другой [Богатуров 2005].

В связи с этим — отсутствие осознанной самоидентификации большей части ученых с точки зрения их принадлежности к той или иной парадигме в западном понимании стало еще одной такой особенностью, мешающей критически посмотреть на ограничения используемой ими методологии и формально соответствовать принятым в зарубежном дискурсе канонам построения научного исследования и ее конкретного выражения — научной статьи.

З

Принципиальный характер различий в российских и западных научных практиках, определяется концептуальной и структурной разницей в получении и презентации исследовательских результатов. Несмотря на сохраняющиеся эпистемологические и методологические различия, для исследователей США и Европы в этих вопросах, напротив, характерен консенсус. Благодаря ему, границы между этими двумя сообществами гораздо более проницаемы, чем между ними и российскими научными школами.

Результаты проведенного исследования подтверждают широко распространенные представления о том, что подготовка публикаций для международных изданий связана с большей трудоемкостью и временными затратами по сравнению с написанием статей в российских журналы¹⁸. Отчасти такое различие обусловлено разницей в объемах научных работ. Зарубежные редакции принимают публикации в среднем в полтора-два раза большие по объему по сравнению с отечественными изданиями. В отношении отдельных журналов, прежде всего *International Security* разница может быть еще значительней¹⁹.

¹⁸ Интервью с П.А. Калиниченко (профессор МГЮА, редактор журнала *Kutafin University Law Review*), Ю.А. Никитиной (доцент МГИМО).

¹⁹ Издание размещает статьи объемом до 20 тысяч слов, что примерно соответствует 4 авторским листам.

Некоторые опрошенные российские исследователи отмечают, что все значимые научные результаты отечественной кандидатской диссертации могут уложиться в одну научную статью для международного издания²⁰. В этой связи показательны также различия в ожидаемой публикационной активности авторов. В то время как в западном научном сообществе подготовка одной-двух работ в год или даже реже представляется вполне достаточной²¹, в России от исследователей ожидают большого числа научных публикаций при большей учебной нагрузке²².

Существующие различия не являются чисто техническими, они отражают субстантивную разницу в понимании жанра исследовательской статьи и уровень требований к критериям научности. Для российских авторов основным представляется объяснение значимости решаемой проблемы с точки зрения современного состояния общественных процессов и представление логически непротиворечивого рассуждения, подкрепленного некоторым массивом эмпирических данных или дискурса-обсуждения с возможным (но не обязательным) выходом на теоретическое обобщение²³. Российские международные исследования в значительной степени остаются наследниками традиционно сильных отечественных страноведческих школ, для которых характерно подозрительное отношение к возможностям генерализации.

Такой подход обуславливает преобладание нарративно-индуктивной структуры

исследований, то есть стремления вывести общую тенденцию или закономерность из изучения частных данных. В этих условиях вводная часть публикации зачастую слабо структурирована и предназначена, прежде всего, для постановки тех вопросов, которые волнуют исследователя²⁴. Научная статья воспроизводит логику детективного расследования, в котором личность преступника раскрывается только ближе к концу произведения.

Подобная структура организации исследования способствует многогранному представлению изучаемого явления и развернутому описанию фактуры. В рамках нарративно-индуктивного подхода относительно просто инкорпорировать широкий спектр объяснений отдельного феномена.

В то же время подобное структурирование работ менее приспособлено для верификации выявляемых причинно-следственных связей, то есть не способствует приращению собственно теоретического знания. Оно не позволяет оценить степень влияния отдельных фактов или факторов на последующее развитие событий, так как индукция не позволяет определить, выявлены и оценены ли все необходимые и достаточные условия, предопределившие полученный результат. Обратной стороной этой слабости становится проявление сформулированной К. Поппером проблемы «черного лебедя» – накопление любого количества свидетельств, подтверждающих сформулированную закономерность, не дает оснований ожидать, что она будет соблюдаться в будущем [Тaleb 2009].

²⁰ Интервью Ю.А. Никитиной (доцент МГИМО).

²¹ Интервью с А. Федяшиным (доцент Американского университета, США).

²² В исследовательских университетах США, на которые приходится основная часть научных работ, существенную долю профессорско-преподавательского состава формируют исследовательские позиции. Более половины такого рода специалистов имеют 4 и меньше часов преподавания в неделю [Dillow, Snyder 2015: 503].

²³ Атеоретичность отечественных исследований отмечалась И.Г. Тюлиным в конце 1990-х годов [Тюлин 2002 401–403], с тех пор количество теоретических работ выросло, но они, по-прежнему, занимают небольшую нишу. Редакторы отечественных журналов отмечают весьма небольшую долю собственно теоретических работ (интервью с М.В. Харкевичем (доцент МГИМО, редактор журнала *Вестник МГИМО Университета*), С.В. Чугровым (профессор МГИМО, главный редактор журнала *Политические исследования*).

²⁴ Инверсией такого подхода стоит признать популярный в отечественных публикациях формат эссе или очерка, представляющий собой свободные рассуждения на выбранную тему, сопровождаемые несистематизированными отсылками к отдельным фактическим подтверждениям.

В Соединенных Штатах под влиянием уже упоминавшегося стремления к повышению «научности» мирополитических исследований существенно возросли требования к методологическому обоснованию статьи и ее выводов. С самого начала перед исследователем встает задача представления интеллектуального контекста и выявления пробела или противоречия в существующей литературе, которое он стремится восполнить [Jesson 2011: 1–10]²⁵. Во многих случаях подобный обзор предыдущих публикаций занимает значительную часть вводных разделов статьи. Западная академическая традиция в большей степени интернализировала революцию в науковедении, социологии науки и когнитивной психологии, которая произошла в XX веке. В этой связи для нее характерно и более критичное отношение к мыслительным процессам исследователей, их способности усваивать информацию и получать обоснованные выводы на ее основе. На современные зарубежные исследовательские практики в значительной степени оказывает влияние наследие К. Поппера и И. Лакатоса²⁶ [Поппер 1983; Лакатос 2008].

В результате в международных изданиях утвердилась в качестве основной гипотетико-дедуктивная структура представления научных результатов [Clarke, Primo 2012]. Она предполагает изложение в начале статьи ожидаемых результатов на основе одной или нескольких теоретических моделей с последующими попытками их доказать или опровергнуть. Атрибутом качественной публикации становится опровержение альтернативных объяснений. Сказанное, между прочим, характерно и для научных монографий, издаваемых за рубежом. Как правило, структура такого исследования имеет двухчастную

композиции и содержат излагаемый в вводимом разделе тезис-гипотезу и занимающую большую оставшуюся часть монографии – ее обоснование и подкрепление (*justification*), включающие в себя обзор библиографической ситуации и описание/анализ эмпирических свидетельств.

Как правило, гипотетико-дедуктивная логика ассоциируется с теоретическими работами, преследующими задачу выявления и интерпретации устойчивых закономерностей общественного развития. Следуя логике К. Поппера, потенциальное теоретическое умозаключение должно быть сформулировано таким образом, чтобы поддаваться эмпирической проверке. Подобная структура характерна и для исследований частных явлений или конкретных событий. При этом в начале работы должно быть сформулировано объяснение или альтернативные интерпретации изучаемого объекта, а далее необходимо найти подтверждения сделанных предположений и опровержения альтернативных²⁷. В данном случае более уместной становится аналогия не с детективным расследованием, как в случае российских работ, а с судебным заседанием, в котором «обвиняемые» известны заранее, но их вину следует доказать.

Если в рамках бихевиоралистской революции первоначально тенденция повышения требований к методологической обоснованности получаемых результатов выразилась в развитии техник количественного анализа, то в последние два десятилетия существенно выросли стандарты и работ, выполненных в методологии качественных исследований [King, Keohane, Verba 1994; George, Bennett 2005]. С учетом того, что в подобных публикациях обобщения делаются на материале ограниченного числа эмпирических примеров, особое вни-

²⁵Интервью с В. Феклюниной (доцент Университета Ньюкасла, редактор журнал *Politics*), А.П. Цыганковым (профессор Университет штата в Сан-Франциско), Г. Шнайдером.

²⁶Явный пример последнего дает сборник, призванный оценить состояние основных теоретических подходов дисциплины на основе критериев, сформулированных И. Лакатосом, в его подготовке приняли участие ведущие американские международники [Elman, Elman 2003].

²⁷Стоит отметить, что несмотря на предостережения К. Поппера по отношению к «логике подтверждения», она продолжает играть существенную роль в исследовательских практиках зарубежных научных сообществ.

мание стали уделять научной значимости и репрезентативности избираемых для изучения казусов. Работа, публикуемая в международном издании, как правило, должна включать проработанное обоснование методов и выборки случаев для анализа.

Более того, сегодня в качественных исследованиях (по аналогии с количественными) ряд специалистов ставят задачу обеспечения возможности воспроизведения получаемых результатов на основе представляемых автором сведений [Moravcsik 2014a; Moravcsik 2014b]. Среди исследователей, использующих количественную методологию, стало устойчивой практикой публиковать исходные данные на основе которых проводится анализ с тем, чтобы коллеги могли пошагово воспроизвести их путь и убедиться в отсутствии ошибок [Altman, King 2007]²⁸. Важно при этом учитывать, что перенесение этой практики в сферу качественного анализа не обязательно принесет схожий результат, так как в этом случае гораздо больше пространства для различной интерпретации информации, получаемой из источников²⁹.

С описанными структурными различиями связана и разница в функциональном значении работ — для российского исследовательского сообщества характерен больший акцент на описании актуальных явлений международной среды во всей их сложности, который в международных изданиях занимает маргинальное положение. На Западе, напротив, акцент делается на выявлении значимости отдельных переменных и степени детерминированности современной ситуации. Исключение составляет часть работ в рамках исторических дисциплин, в которых гипотетико-дедуктивная логика по-прежнему соседствует с нарративными работами. Однако даже в них присутствуют попытки представить

аналитическую призму, через которую оценивается событийная канва³⁰.

При всех достоинствах гипотетико-дедуктивного подхода в последнее время в самом западном исследовательском сообществе множатся публикации, критикующие его с различных методологических позиций. В частности, ведущие американские теоретики Дж. Миршаймер и Ст. Уолт отмечают, что чрезмерное фокусирование исследователей на проверке отдельных гипотез, заслоняет необходимость встраивания получаемых результатов в более широкие объяснительные схемы, к которым относится изучаемое явление [Mearsheimer, Walt 2013]. В результате может быть утерян контекст, в котором оно разворачивается. Последовательное применение гипотетико-дедуктивного подхода приводит к обеднению описания рассматриваемых событий и феноменов, в результате может выхолащиваться понимание их сути³¹. Американские исследователи Р. Кларк и Д. Примо формулируют еще более жесткую критику гипотетико-дедуктивного подхода, отмечая, что акцент на верификации теорий обедняет научную деятельность, так как другие значимые аналитические задачи вытесняются на периферию внимания академического сообщества [Clarke, Primo 2012].

В условиях острой конкуренции за публикации наблюдается тенденция фрагментации проблемного поля: исследователям, особенно молодым, проще провести анализ частного вопроса, вне зависимости от его практической или теоретической значимости, но удобного с методологической точки зрения, для того чтобы быстрее подготовить статью³². Еще пару десятилетий назад международные исследования на Западе критиковались за непродуктивные парадигмальные споры — безрезультатные

²⁸ Интервью с Х. Урдалом (редактор журнал *Journal of Peace Research*).

²⁹ Интервью с А.П. Цыганковым.

³⁰ Хороший пример — нашумевший труд Кристофера Кларка, посвященный истокам и причинам Первой мировой войны [Clark 2012].

³¹ Интервью с А. Васильевой (профессор Монтерейского института международных исследований).

³² Интервью с Р. Коннолли (профессор Бирмингемского университета, редактор *Eurasian Geography and Economics*).

«большие дебаты». Сегодня они сталкиваются с противоположной проблемой – чрезмерным увлечением частными вопросами, мало способствующими общему приращению понимания мировой политики.

Показательна разворачивающаяся в западном академическом сообществе дискуссия относительно релевантности многочисленных публикаций по международным отношениям для внешнеполитической практики. Несмотря на то что в Соединенных Штатах присутствует постоянный переток идей между политическим и академическим сообществом, в него включена ограниченная группа специалистов [Истомин 2012]. Значительную часть публикаций составляет «чистое частное исследование», лишённое перспектив прикладного применения, но и не способствующее развитию теории.

Ряд проинтервьюированных экспертов связывали наибольшие барьеры на пути интеграции российских представителей в глобальный академический дискурс прежде всего с представленными структурными и функциональными различиями³³. В то же время представляется неверным абсолютизировать их глубину. На уровне отечественных квалификационных работ, прежде всего в диссертационных исследованиях, доминирует именно гипотетико-дедуктивная логика построения анализа. В настоящее время требование представления степени научной разработанности проблемы, теоретических и методологических оснований исследования, а также обоснование теоретической значимости работы оказывается не только частью академических традиций, но инкорпорировано в формальные требования³⁴. Таким образом, отечественные специалисты в большинстве своем не только знакомы с подобной формой структурирования работ, но и обладают опытом, часто однократным, их выполнения.

В то же время предпринимаемые сегодня попытки, направленные на вовлечение российских исследователей в международную академическую среду, не всегда корректно отражают характер существующих различий. Более того, в ряде случаев они могут способствовать дальнейшей консервации существующих ограничений.

В частности, нынешняя установка Министерства образования и науки России на повышение стандартов публикационной активности авторов и присоединение к библиографическим базам данных привела к фактически еще большему сокращению объема статей. Так, рост требований к аспирантам и докторантам относительно отражения результатов их диссертационных исследований в большем числе публикаций стимулировали увеличение давления на научные издания, вынужденных включать большее число работ в условиях ограниченного объема. Одновременно необходимость оформления подробных аннотаций и списков литературы (причем для стремящихся попасть в международные реферативные базы данных в двух вариантах – в соответствии с отечественным ГОСТом и для международной аудитории) «съедает» часть имеющегося журнального пространства. В сложившихся условиях все сложнее ожидать в утверждающемся коротком формате научных заметок продуктивной дискуссии с существующей литературой, интенсивного использования научного аппарата, подробного обоснования применяемой методологии.

4

На фоне сохраняющихся различий в вопросах подготовки и представления научных статей в настоящее время наблюдается приближение отечественных практик научного редактирования к зарубежным аналогам. Лидирующая роль в этом процессе принадлежит ведущим российским журна-

³³ Интервью с А. Васильевой, Р. Легвольдом (профессор Колумбийского университета), М.В. Харкевичем, А.П. Цыганковым.

³⁴ ГОСТ Р 7.0.11–2011 Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления. URL: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=171831&pageK=180F672A-F6A9-4CA1-BAD8-C3BB4D691DB7> [дата обращения: 27.05.2015].

лам, таким как «Вопросы экономики», «Социс», «Полис», «Международные процессы». В то же время, конкуренция между изданиями способствует перенесению передовых стандартов на другие журналы.

Параллельно начинают формироваться издания нового типа – издаваемые российскими редакционными командами, но изначально ориентированные на диалог с зарубежной аудиторией. Подобное явление характерно для международно-правовых дисциплин (появление таких изданий, как *“Russian Law Journal”*, *“Kutafin University Law Review”*), которые долгое время оставались в числе наименее интернационализованных.

Наметившиеся тенденции по адаптации передовых международных публикационных практик стимулируются государственной политикой по интеграции отечественных научных изданий в международные реферативные базы данных (*Web of Science*, *Scopus*). Под влиянием активной позиции отечественных государственных ведомств в России существенно возрос интерес и внимание к библиометрическим инструментам анализа исследовательской деятельности [Арефьев 2014: 93].

Любопытно, что в ходе проведенного опроса представители университетов США в большинстве своем отмечали незначительный интерес к количественным оценкам научной продуктивности их сотрудников. При поиске литературы и выборе изданий для публикации они в большей степени ориентируются на качественные характеристики и знание собственной дисциплины. В этой связи большое значение играет система содержательного оценивания, опирающаяся на практику «двойного слепого рецензирования». Лишь при оценке, предшествующей получению пожизненного контракта (*tenure*) деятельности,

вопрос о библиометрических показателях становится для них актуальным³⁵.

Аналогичное фокусирование на качественных инструментах оценивания характерно и для европейских исследователей. В то же время они большее внимание уделяют библиометрической информации по сравнению с заокеанскими коллегами. В случае Великобритании подобное внимание увязывается, прежде всего, с процедурой регулярного правительственного мониторинга университетов и ролью государственного грантового финансирования. Как и в России, в этой стране надзорные государственные органы используют наукометрические показатели для оценки продуктивности исследователей³⁶. Значимым объяснением сохраняющихся различий представляется отсутствие в европейских университетах практики пожизненных контрактов. В отличие от американских коллег их представители вынуждены регулярно проходить через процедуру подтверждения собственной квалификации и «полезности» для научного учреждения³⁷.

Более того, в последнее время, наметилось растущее значение альтернативного инструмента – поисковой системы *Google Scholar*. Несмотря на то что используемые ей библиометрические механизмы более подвержены манипулированию по сравнению со *Scopus* и *Web of Science*, она обладает несомненным преимуществом, поскольку автоматически интегрирует ссылки на статьи, которые содержатся в доступных исследователю полнотекстовых базах данных. Показательно, что, например, в Великобритании именно *Google Scholar*, а не другие инструменты, был выбраны правительственными ведомствами и университетским сообществом в качестве ключевого механизма отслеживания публикационной активности специалистов³⁸.

³⁵ Интервью с Дж. Кнопфом (профессор Монтерейского института международных исследований), Р. Легвольдом, А. Федяшиным.

³⁶ В США сегодня предпринимаются попытки выстроить более сложные механизмы оценивания научной продуктивности [Lane, Owen-Smith, Rosen, Weinberg 2014].

³⁷ Интервью с Б. Хойзер, В. Феклюниной.

³⁸ Интервью с Э. Карагианнисом (доцент Королевского колледжа Университета Лондона), В. Феклюниной.

Российские издания при формулировании требований, предъявляемых к присылаемым рукописям, в значительной степени повторяют риторику ведущих международных журналов: обеспечение значимого вклада в научную дискуссию, опора на теоретическое знание, адекватное методологическое обеспечение, вовлечение в дискуссию с ранее опубликованными работами. В то же время эти тезисы остаются, скорее, пожеланиями, относящимися к идеальной модели. На практике сразу несколько компонентов в публикуемых статьях могут отсутствовать. Процесс интернализации принимаемых норм далек от завершения. Несмотря на расширяющееся признание оправданности вводимых стандартов, они по-прежнему зачастую воспринимаются как навязываемые извне. В современных условиях соблюдение передовых практик находится в зависимости от сохранения внешнего по отношению к научному сообществу давления, а также воплощается в концентрации на следовании формальным критериям порой без усвоения академической культуры, которая лежит в их основе.

В то же время западное исследовательское сообщество также сталкивается с трансформацией публикационных практик. Растущая конкуренция между изданиями и авторами деформирует сложившиеся правила, а внедрение новых информационных систем приводит к возникновению новых форматов распространения научных результатов.

5

В деятельности как отечественных, так и международных журналов в большинстве случаев центральное место занимает определяющая роль редакции и фигура главного редактора³⁹. Создаваемые изданиями ре-

дакционные советы, рецензенты и издатели выступают в качестве вспомогательных звеньев публикационного процесса. И определение стратегических вопросов редакционной политики, и принятие решений о публикации отдельных статей в конечном счете остаются прерогативой именно главных редакторов.

Подобная централизация в случае международных изданий усиливается на фоне роста числа получаемых рукописей. Хотя редакционные команды многих журналов формируются при университетах, они обеспечивают свободную возможность подачи статей к публикации, и такая институциональная аффилированность не создает значительных преимуществ для местных исследователей. Более того, учредителями наиболее авторитетных зарубежных изданий выступают зачастую не вузы, а международные научные ассоциации, заинтересованные в максимально широком представительстве различных авторов.

В результате нарастания вала рукописей, растет доля материалов, которые отсеиваются редакциями на этапе получения без рецензирования (так называемая стадия *desk reject*). В этих условиях актуализируется задача демаркации тематического профиля журнала, методологических и содержательных ожиданий редакции⁴⁰. Подобная тенденция вступает в противоречие со стремлением ведущих изданий выступать в качестве интеграторов дисциплины и площадок междисциплинарного диалога по актуальным проблемам общественного развития. Решение этой задачи подталкивает их к методологической и теоретической «всеядности». Одновременно существование устойчивых иерархий научных изданий заставляет оставшиеся издания, в

³⁹ Интервью с Б. Джан (профессор Университета Сассекса, главный редактор журнала *European Journal of International Relations*), К. Инглис (профессор Сиднейского университета, главный редактор журнала *International Sociology*), Ш. Линн-Джонсон (редактор журнала *International Security*), Х. Урдаллом, П. Хутом (профессор Университета Мэриленда, редактор журнала *Journal of Conflict Resolution*), а также Д.А. Малешиним (профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, редактор журнала *Russian Law Journal*), М.В. Харкевичем, А.Л. Чечевишниковым (заместитель директора Института международных исследований МГИМО, главный редактор альманаха *Тетради по консерватизму*), С.В. Чугровым, Некоторое исключение из общего ряда издание *Cold War History* (интервью с Б. Хойзер).

⁴⁰ Интервью с П. Хутом, Г. Шнайдером.

том числе новые, идти по пути поиска собственной ниши для формирования устойчивой, пусть и ограниченной аудитории⁴¹.

Структура российского журнального сообщества существенно отличается. За исключением небольшого круга изданий («Полис», «Международные процессы»), его костяк составляют журналы отдельных университетов и институтов Российской академии наук. Университетские «вестники» обслуживают в первую очередь интересы преподавателей и аспирантов собственных вузов. В этом отношении, наряду с научной, они выполняют социализирующие функции, помогая молодым исследователям опубликовать их первые работы, а также позволяя специалистам, работающим на основе привлеченного финансирования, выполнять условия грантов. Издания Академии наук, как правило, демонстрируют большую открытость. В то же время лишь небольшой круг ведущих журналов выступает в качестве по-настоящему общенациональных площадок.

Отечественное научное сообщество не испытывает дефицита в материалах, хотя порой значительная часть поступающих в редакции рукописей характеризуется низким качеством⁴². В то же время уровень конкуренции между авторами даже в ведущих российских изданиях ниже, чем в международных. В результате в России не происходит существенной тематической и методологической дифференциации журналов, как это имеет место в глобальном академическом дискурсе.

Подобное положение негативным образом сказывается, в частности, на конкурентоспособности представителей отечественного исследовательского сообщества в глобальной академической коммуникации, так как важнейший залог успешной публикации — выбор журнала подходящего тематического профиля⁴³. Зачастую российские специалисты не обладают такими навыками, плохо чувствуют специфику ре-

дакционной политики изданий. То и другое негативно сказывается на перспективах принятия их статей к публикации.

Другой значимый институт в международных публикационных практиках — «двойное слепое рецензирование». Оно предполагает оценку получаемых материалов внешними, независимыми экспертами, которые получают рукопись без указания ее авторства. Аналогичным образом и авторам не раскрывается личность рецензента. В последние годы ведущие отечественные журналы стали гораздо более ответственно подходить к рецензированию получаемых рукописей. К этому их, в частности, подталкивают требования уже упомянутых международных реферативных баз данных.

При обеспечении практики рецензирования отечественные и международные журналы сталкиваются со схожими проблемами, связанными с поиском квалифицированных экспертов, способных провести глубокую и разностороннюю оценку получаемых материалов⁴⁴. С учетом того, что такая работа носит в большинстве случаев добровольный характер, специально не оплачивается и зачастую не учитывается при оценивании исследований по их основному месту работы, получение согласия качественных специалистов на рецензирование часто составляет сложность. По всей видимости, высокий авторитет рецензента в научном сообществе уже не является достаточным стимулом в условиях роста нагрузки на экспертов. В этом отношении журналы вынуждены больше полагаться на приглашение членов редакционных советов и коллегий к участию в экспертизе получаемых материалов.

Несмотря на укрепление роли рецензирования в российском исследовательском сообществе, она по-прежнему отличается от той, которая утвердилась в зарубежных научных практиках. Отечественные издания воспринимают его прежде всего как

⁴¹ Интервью с Р. Коннолли.

⁴² Интервью с П.А. Калининченко, М.В. Харкевичем, С.В. Чугровым.

⁴³ Интервью с К. Инглис, Х. Урдалом.

⁴⁴ Интервью с К. Инглис, Ш. Линн-Джонсон, С.В. Чугровым.

инструмент получения экспертного мнения для принятия решения о публикации. Они также могут использовать их для обоснования отказа в размещении материалов, что способствует перенесению недовольства потенциальных авторов на анонимных рецензентов.

Схожие мотивы присутствуют и в деятельности редакций международных изданий. Вместе с тем рецензирование там не в меньшей степени рассматривается как инструмент повышения качества научных работ⁴⁵. Крайне редки случаи, когда рукописи публикуются в первоначальном виде. Как правило, по итогам рецензирования они перерабатываются не только стилистически, но и содержательно, причем зачастую весьма существенно, а редактирование статьи, особенно литературное, в ведущих зарубежных издательствах практически не встречается. Соответственно, подобная экспертиза рассматривается не только с точки зрения ее ценности для редакторов, но и полезности для авторов.

Этому способствует и утверждение в западной исследовательской среде культуры конструктивного восприятия критики. Несмотря на то что в ряде случаев рецензии могут носить жесткий характер, в международных изданиях от авторов ожидается учет высказанных замечаний или мотивированное указание на невозможность их принятия. Российские же авторы, по крайней мере значительная их часть, обычно весьма болезненно воспринимают критические оценки, не редки случаи отказа учитывать рекомендации анонимных рецензентов.

Формирование культуры рецензирования и работы с рецензиями представляется важнейшей перспективной задачей работы научных редакций. В этой связи показательной становится тенденция на формирование структурированных инструментов экспертной оценки статей. В ряде случаев опросники, разрабатываемые отечественными изданиями («Полис», «Международные процессы»), носят даже более

структурированный характер, чем аналогичные инструменты, используемые зарубежными изданиями.

Вместе с тем внедрение практики рецензирования как основного инструмента контроля качества научной продукции означает усложнение и удлинение редакторского цикла. В настоящее время в ведущих международных изданиях проблема лага между получением и публикацией статей превратилась в одну из центральных и наиболее болезненных – особенно для авторов. В качестве ответа на нее получили развитие практики электронной публикации материалов. В частности, ряд традиционных изданий размещают на своем сайте окончательную версию статьи еще до выхода печатного номера. Другой альтернативой становится распространение изданий «открытого доступа» (open access), которые ограничиваются публикацией в Интернете и обеспечивают широкое распространение статей за счет бесплатного доступа к ним. При этом все публикационные и редакторские расходы ложатся на авторов и исследователей в виде взноса за обработку рукописи, который в ведущих британских и американских издательствах может варьироваться от пятисот долларов до нескольких тысяч.

Стремление к расширению свободного доступа к научной информации характерно и для отечественного исследовательского сообщества. Существенная часть российских изданий размещает часть или все свои материалы в свободном доступе. В то же время для них еще в большей степени, чем для западных коллег сохраняет значение поиск устойчивой финансовой модели.

* * *

Современная государственная политика по повышению продуктивности исследовательской деятельности поместила отечественные периодические издания в центр дискуссии о контроле качества экспертно-аналитических работ. В этой связи инкорпорирование зарубежных научных и пу-

⁴⁵Интервью с Ш. Линн-Джонсом, Х. Урдалом.

бликационных практик приобрело существенное ускорение, особенно в последние два – три года. Этот процесс, получивший столь интенсивное и стремительное развитие, сегодня нуждается в научном осмыслении и адекватном теоретико-методологическом сопровождении.

Проведенное исследование представляет собой одну из первых систематических попыток в этом отношении. Оно свидетельствует о существенной асимметрии в адаптации собственно исследовательских и редакционных стандартов и моделей поведения на основе международного опыта. Оно также подтверждает, что нынешнее форсированное внедрение зарубежных норм зачастую не способствует практической интеграции отечественного исследовательского сообщества в глобальный академический дискурс.

Российское и зарубежные сообщества международников до сих пор продолжают существовать в принципиально разных системах координат, что особенно сильно проявляется в главном продукте их работы – научных публикациях. В основе решаемой на официальном и академическом уровне проблемы – сущностно и формально иной принцип оценивания статей в журналах гуманитарного направления в России и за рубежом, где рукописи «отбраковываются» путем двойного «слепого» научного рецензирования. В фокусе внимания рецензентов порой оказываются не глубина выводов и пронизательность наблюдений, а методология анализа, адекватность собранных в ходе полевых исследований эмпирических данных, а также соответствие устоявшейся в англо-американской традиции «нормативной» структуре научной статьи.

Многие авторы, прежде всего европейские, которым так же, как и российской обществоведческой школе, присущ, скорее, дискурсивный стиль изложения научных результатов, признают, что фактически сложилась монополия англосаксонских журналов на методологию научной публикации в жанре статьи. Ученому-международнику не только из России, но и

из Франции, Чехии, Венгрии, Германии сложно структурировать статью так, как это от него ожидают в англоамериканских журналах: так писать нас не учат ни в школе, ни в вузе.

В то же время в условиях глобализации научного пространства, обострения конкуренции за идеи, исследователей, студентов, необходимость адаптации к укоренившимся передовым международным практикам не вызывает сомнения. Важно, чтобы этот процесс носил не стихийный, а осознанный и управляемый характер. Только так можно избежать положения академической вторичности, характерной для ряда исследовательских сообществ, которые были естественным образом втянуты в орбиту англосаксонского научного дискурса, и отстаивать ведущие позиции отечественных научных журналов, способных публиковать результаты оригинальных исследований, претендующих на научную новизну в масштабах «международных отношений» как глобальной академической дисциплины.

Большей представленности мнения российского экспертно-аналитического сообщества в глобальной среде способствовало бы изменение подходов на нескольких уровнях. Прежде всего, большее внимание должно уделяться методологическим аспектам в рамках цикла аспирантской подготовки. В частности, имело бы смысл расширение практики проведения специализированных курсов, посвященных подготовке научных публикаций, с приглашением зарубежных специалистов. В ходе последних преобразований наметились попытки внедрить практику структурированных учебных аспирантских программ в России. Вместе с тем, за исключением небольшого числа ведущих вузов, большинство отечественных университетов не уделяет приоритетного внимания методологическому аспекту подготовки молодых специалистов в области политических наук.

Одновременно необходимо менять на государственном и административном уровне парадигму ожиданий в отношении продуктивности научной работы. Стоит добиваться снижения числа публикуемых

Таблица 2
Тематический мониторинг предпочтений ведущих международных изданий

№	Название журнала	Учредитель журнала	Издатель журнала	Редакционная команда	Описание целей издания	Направленность публикаемых материалов	Предпочтительная методология	Объем публикаций (максимальное число слов)
1	European Journal of International Relations	Европейский консорциум политических исследований	Sage	Университет Сассекса (Великобритания)	независимый голос в международных научных дискуссиях по исследованиям международных отношений	развитие теории; эмпирические исследования; совершенствование методологии	нет	12 000
2	International Organization	International Organization Foundation	Cambridge University	Университет Висконсин-Мэдисон (США)	публикация лучших работ по международным политическим и экономическим отношениям	развитие теории; эмпирические исследования; совершенствование методологии	нет	14 000
3	International Security	Гарвардский университет	MIT Press	Гарвардский университет (США)	публикация работ, отражающих различные подходы к проблематике международной безопасности, включающих как профессиональные материалы, так и те, которые могут иметь политическое значение	развитие теории; эмпирические исследования	качественная	20 000
4	International Studies Quarterly	Ассоциация международных исследований	Wiley-Blackwell	Джорджтаунский университет (США)	анализ теоретических, эмпирических и нормативных вопросов международных взаимодействий	развитие теории; эмпирические исследования; совершенствование методологии	нет	11 000
5	Journal of Conflict Resolution	–	Sage	Университет Мэриленда (США)	междисциплинарный журнал общественнонаучных исследований и теории конфликтов, фокусирующийся, прежде всего, на межгосударственных конфликтах	эмпирические исследования	количественная	11 000
6	Journal of Peace Research	Институт исследований мира, Осло	Sage	Институт исследований мира (Норвегия)	исследования мира в широком понимании, при приоритетном внимании вопросам причин применения насилия и разрешения конфликтов	эмпирические исследования	количественная	10 000
7	World Politics	Принстонский университет	Cambridge University Press	Принстонский университет (США)	публикация статей, посвященных теоретическим и эмпирическим вопросам международных отношений, сравнительной политики, национального развития и политической экономики	развитие теории; эмпирические исследования	нет	12 500

материалов с одновременным повышением их качества. Важно обеспечить возможность размещения более крупных исследовательских статей, объемом 1,5–2,5 авторского листа, которые могли бы инкорпорировать детальный разбор имеющейся по теме литературы, обоснование используемого методологического инструментария, а также содержали бы подробный анализ эмпирического материала. Это стало бы лучшей тренировкой аспирантов и докторантов к подготовке рукописей для международных изданий и одновременно повысило бы ценность отечественных журналов как источников оригинальных научных исследований мирового уровня.

Кроме того, существенным ресурсом повышения качества отечественных публикаций может стать пересмотр значения научного рецензирования – превращение его из рестриктивного механизма отсева в компонент конструктивной исследовательской дискуссии, позволяющий ис-

правлять допущенные недочеты в методологии и заполнять оставленные лакуны в аргументации. Такая трансформация возможна лишь при условии формирования культуры терпимости к внешней критике.

В процессе адаптации передовых международных стандартов отечественному исследовательскому сообществу важно сохранить его традиционные сильные стороны – стремление к широкому и нюансированному осмыслению действительности, эпистемологическая открытость и отсутствие «парадигмального фундаментализма», ориентация общественно-научной работы на решение значимых практических задач. Воспринимая лучшее в зарубежных научных практиках, стоит избегать собственных им проблем и ограничений. Формалистский подход к усвоению иностранного опыта способен привести к излишней технологизации исследовательских сообществ при содержательном обеднении их деятельности.

Список литературы

- Арефьев П.* Механизмы роста публикационной активности университетов // Материалы семинара-конференции по выполнению планов мероприятий по реализации вузами-победителями программ повышения конкурентоспособности («дорожных карт»). Выпуск 2. 2014. С. 95–103.
- Баталов Э.Я.* Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 616 с.
- Богатуров А.Д.* Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. 2008. № 2. С. 4–15.
- Богатуров А.Д.* Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. № 3. С. 5–15.
- Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. № 1.
- Бурдые П.* Начала. Choses dites. М.: Socio-Logos. 1994. 288 с.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI. С. 79–128.
- Войтоловский Ф.Г.* «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. № 2.
- Воскресенский А.Д.* "Большая Восточная Азия": мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006. 124 с.
- Воскресенский А.Д.* Социальные порядки и пространство мировой политики // Полис. 2013. № 2. С. 6–23.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерки теории структуризации. М.: Академический проект. 2008.
- Грачиков Е.* Международные отношения в современном Китае // Международные процессы. 2014. № 4. С. 49–65.
- Григорьева Е.И.* Каким должен быть сайт научного журнала // Полис. 2014. № 5. С. 177–187.
- Иванова Н.А.* Наука в зеркале социальных исследований Бруно Латура и Стива Вулгара // Вестник томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2. С. 67–83.
- Истомин И.А.* Научное обеспечение внешней политики США. Диссертация на соискание степени к. полит.н. М.: МГИМО (У) МИД России. 2012. 244 с.
- Кирсанов А.* Как сделать сайт журнала быстро и недорого // Власть. 2014. № 7. С. 220–224.
- Косолапов Н.А.* Идеология и международные отношения на рубеже тысячелетий // Богатуров А.Д. Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО. 2002. С. 223–240.

- Косолапов Н.А.* Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. № 3. С. 15–25.
- Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки [Книга]. М.: Академический проект. 2008. 475 с.
- Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 2013. 414 с.
- Лебедева М.М.* Мировая политика. М.: Аспект Пресс. 2003. 352 с.
- Маршакова-Шайкевич И.В.* Россия в мировой науке. М.: ИФРАН. 2008. 227 с.
- Поппер К.* Логика научного исследования // Логика и рост научного знания. М.: Прогресс. 1983. 605 с.
- Российская наука международных отношений: новые направления // ред. А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. М.: ПЕР СЭ. 2005. 415 с.
- Талей Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри. 2009. 528 с.
- Торкунов А.В.* Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5. С. 45–48.
- Тюлин И.Г.* Исследования международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в четырех томах. Том III. Исследования. М.: РОССПЭН. 2002.
- Хрусталев М.А.* Две ветви теории международных отношений в России // Международные процессы. 2006. № 2.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Постсоветские исследования международных отношений в России: плюрализация, вестернизация, изоляционизм // Российская наука международных отношений: новые направления. М.: ПЕР СЭ. 2005. С. 19–48.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Российские международники-теоретики: опыт автопортрета // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 92–102.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А.* Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий. М.: Аспект Пресс. 2006. 238 с.
- Цыганков П.А.* «Международные отношения и мировая политика». Консолидация учебно-научной дисциплины. // Международные процессы. 2013. № 3–4. С. 7–20.
- Чжан Жуйчжуан, Королев А.* Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 96–110.
- Шаклеина Т.А.* Россия и мир в мировой политике. М.: Аспект Пресс. 2012. 272 с.
- Шугальский С.С.* Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.
- Altman M., King G.* A Proposed Standard for the Scholarly Citation of Quantitative Data // D-Lib Magazine. 2007. № 3–4. Vol. 13.
- Clark Chr.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. New York: Harper Collins. 2012.
- Clarke R., Primo D.* A model discipline: political science and the logic of representations. Oxford: Oxford University Press. 2012. 232 p.
- Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. No. 4. Vol. 52. P. 887–917. DOI: 10.1162/002081898550789
- George A.L., Bennett A.* Case Study and Theory Development in the Social Science. Cambridge: MIT Press. 2005. 350 p.
- Ish-Shalom P.* Theory as a Hermeneutical Mechanism: The Democratic-Peace Thesis and the Politics of Democratization // European Journal of International Relations. 2006. No.4. P. 565–598. DOI: 10.1177/1354066106069324
- Jentleson B.* The Need for Praxis: Bringing Policy Relevance Back In // International Security. 2002. No. 4. P. 169–183. DOI:10.1162/016228802753696816
- Jesson J.* Doing Your Literature Review: Traditional and Systematic Techniques. London: Sage. 2011. 192 p.
- King G., Keohane R., Verba S.* Designing social inquiry: scientific inference in qualitative research. Princeton: Princeton University Press. 1994. 264 p.
- Lane J., Owen-Smith J., Rosen R., Weinberg B.* New Linked Data on Research Investments: Scientific Workforce, Productivity, and Public Value. IZA DP No. 8556, 2014. URL: <http://ftp.iza.org/dp8556.pdf> (accessed 20.05.2015)
- Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey. 1986.
- Lepgold J.* Is Anyone Listening? International Relations Theory and the Problem of Policy Relevance // Political Science Quarterly. 1998. No. 1. P. 43–62. DOI: 10.2307/2657650
- Lepgold J., Nincic M.* Beyond the Ivory Tower: International Relations Theory and the Issue of Policy Relevance New York: Columbia University Press. 2001.
- Levine D.J., Barder A.D.* The closing of the American mind: 'American School' International Relations and the state of grand theory // European Journal of International Relations. 2014. No. 4: Vol. 20. DOI: 10.1177/1354066114530010

- Lupia A., Elman C.* Openness in Political Science: Data Access and Research Transparency // *PS: Political Science & Politics*. 2014. No. 1 : Vol. 47. P. 19–42. DOI: 10.1017/S1049096513001716
- Maliniak D., Peterson, S., Tearney, M.J.* TRIP Around the World: Teaching, Research, and Policy Views of International Relations Faculty in 20 Countries. Williamsburg: The College of William and Mary. 2012.
- Mearsheimer J., Walt St.* Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations // *European Journal of International Relations*. 2013. No. 3 : Vol. 19.
- Moravcsik A.* Transparency: The Revolution in Qualitative Political Science // *PS: Political Science & Politics*. 2014a. No.1. Vol. 47. P. 48–53. DOI: 10.1017/S1049096513001789
- Moravcsik A.* Trust, but Verify: The Transparency Revolution and Qualitative International Relations // *Security Studies*. 2014b. No. 4. Vol. 23. P. 663–688. DOI: 10.1080/09636412.2014.970846
- Nair P.K.R., Nair V.D.* Scientific Writing and Communication in Agriculture and Natural Resources N.Y.: Springer. 2014. DOI: 10.1007/978-3-319-03101-9
- Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia* / Ed. by A. Acharya, B. Buzan Oxon. Routledge. 2010. 242 p.
- Process tracing: from metaphor to analytic tool* / ed. by A. Bennett, J.T. Checkel. Cambridge; New York : Cambridge University Press. 2015. 342 p.
- Progress in international relations theory: Appraising the field* / ed. by C. Elman, M.F. Elman. Cambridge: MIT Press. 2003.
- Reckwitz A.* Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing // *European Journal of Social Theory*. 2002. No. 5. P. 243–263. DOI: 10.1177/13684310222225432
- Rethinking social inquiry: diverse tools, shared standards* // ed. by H.E. Brady, D. Collier. Lanham : Rowman & Littlefield Publisher. 2010. 428 p.
- Risks and Opportunities of Crossing the Academy/Policy Divide* / ed. by J.A. Tickner, A. Tsygankov // *International Studies Review*. 2008. No. 1. P. 155–177. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.00769.x
- Schatzki T.* Social Practices. A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social Cambridge : CUP. 1996.
- Snyder T.D., Dillow S.A.* Digest of Education Statistics, 2013. Washington D.C.: National Center for Educational Statistics. 2015. 940 p.
- Tickner A., Waever O.* International relations scholarship around the world. Oxon : Routledge. 2009. 351 p.
- Waever O.* The sociology of a not so international discipline: American and European developments in international relations // *International Organization*. 1998. No. 4. Vol. 52. P. 687–727. DOI: 10.1162/002081898550725
- Walt S.M.* The Relationship between Theory and Policy in International Relations // *Annual Review of Political Science*. Vol. 8. 2005. P. 23–48. DOI: 10.1146/annurev.polisci.7.012003.104904

RUSSIAN AND INTERNATIONAL PUBLICATION PRACTICES

A COMPARATIVE STUDY OF IR SCHOLARLY JOURNALS⁴⁶

IGOR ISTOMIN, ANDREY BAYKOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The trend towards widening of the international academic discourse through integration of non-Western national schools in IR, affects Russian scholarly community today only marginally. Russian scholars are hardly included in the international debates regarding the major directions of political, economic and

⁴⁶ The article was written within the implementation of public project funded from the grant of the President of the Russian Federation and with the support of the Institute of Socio-Economic and Political Studies. The authors would like to acknowledge the support of I. Garmaeva, O. Tropashko, T. Tyukaeva who assisted in the preparation of empirical data, as well as all the experts who agreed to participate in interviews, and colleagues who took part in discussions.

social development in the globalized world. Therefore, they are unable to influence the intellectual landscape of international relations. The current article emerged from the comparative study of domestic and international academic and publication practices. It aims to identify key barriers towards greater engagement of Russian authors in the global academic debate on world politics. The article views the academic practices, which emerge from interaction between members of the scholarly community, as crucial regulatory frameworks, which define the quality of the research publications. Since 2012 Russian authorities have adopted multiple decisions, aimed to integrate Russian science in the international context. These measures significantly affect Social Sciences, including International Studies. They resulted in accelerated adoption of formal requirements to the scholarly publications, while academic journals have become the major enforcers in this process. However, the current study confirms that the internalization of new standards and practices by the academic community is far from being complete. This process is complicated by the fact that epistemological and methodological foundations of the Russian school differentiate it significantly from Western IR. Meanwhile, the major differences lie in the definition of aims and structure of scholarly publications, as well as in criteria of academic study. Thus, the authors of the article come up with proposals, intended to foster more successful integration of Russian IR in the global academic discourse. The study relies on the monitoring of self-positioning of journals and their requirements for authors, as well as on the interviews with publishers and editors of major Russian and international journals and authors who have a successful track-record of publishing in both contexts.

Keywords:

global academic discourse; International Studies; science policy; leading academic journals; Russian school in IRT; international databases Scopus and Web of Science; U.S.; UK.

References

- Ariefiev P. (2014). Mekhanizmy rosta publikatsionnoj aktivnosti universitetov [Mechanisms of growth of publication activity of the University]. In *Materialy seminara-konferentsii po vypolneniyu planov meropriyatij po realizatsii vuzami-pobeditelyami programm povysheniya konkurentosposobnosti ("dorozhnykh kart")*. Vypusk 2. P. 95–103.
- Acharya A., Buzan B. (eds.) (2010). *Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia*. Oxon: Routledge. 242 p.
- Altman M., King G. (2007). A Proposed Standard for the Scholarly Citation of Quantitative Data. *D-Lib Magazine*, 13 (3–4).
- Jentleson B. (2002). The Need for Praxis: Bringing Policy Relevance Back In. *International Security* (4). P. 169–183. DOI:10.1162/016228802753696816
- Batalov E.Ya. (2014). *Amerikanskaya politicheskaya mys' XX veka* [American political thought of the 20th century]. Moscow: Progress Traditsiya. 616 p.
- Bennett A., Checkel J.T. (eds.) (2015). *Process tracing: from metaphor to analytic tool*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 342 p.
- Bogaturov A.D. (2004). Ponyatie mirovoj politiki v teoreticheskom diskurse [The notion of World Politics in the theoretical discourse]. *Mezhdunarodnye protsessy*, No. 1.
- Bogaturov A.D. (2006). Liderstvo i detsentralizatsiya v mezhdunarodnoj sisteme [Leadership and decentralization in the international system]. *Mezhdunarodnye protsessy*, No. 3. P. 5–15.
- Bogaturov A.D. (2008). Kontrevolyutsiya tsennostej i mezhdunarodnaya bezopasnost' [Counterrevolution of values and international security]. *Mezhdunarodnye protsessy*, No. 2. P. 4–15.
- Bourdieu P. (1994). *Nachala. Choses dites* [Choses dites]. Moscow: Socio-Logos. 288 p.
- Brady H.E., Collier D. (eds.) (2010). *Rethinking social inquiry: diverse tools, shared standards*. Lanham: Rowman & Littlefield Publisher. 428 p.
- Clark C. (2012). *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. New York: Harper Collins.
- Clarke R., Primo D. (2012). *A model discipline: political science and the logic of representations*. Oxford: Oxford University Press. 232 p.
- Snyder T.D., Dillow S.A. (2015). *Digest of Education Statistics, 2013*. Washington D.C.: National Center for Educational Statistics.
- Elman C., Elman M. F. (2003). *Progress in international relations theory: Appraising the field*. MIT Press.
- Finnemore M. S. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*, 52(4), 887–917. DOI: 10.1162/002081898550789
- George A. B. (2005). *Case Study and Theory Development in the Social Science*. Cambridge: MIT Press. 350 p.
- Giddens A. (2008). Ustroenie obschestva: Ocherki teorii strukturatsii [The constitution of society: An outline of the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskij proekt.

- Gratchikov E. (2014). Mezhdunarodnye otnosheniya v sovremennom Kitye [International relations in the modern China]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 4.
- Grigorieva E.I. (2014). Kakim dolzhen byt' sayt nauchnogo zhurnala [How the web-site of the scientific journal should look like]. *Polis*. No. 5. P. 177–187.
- Ish-Shalom P. (2006). Theory as a Hermeneutical Mechanism: The Democratic–Peace Thesis and the Politics of Democratization. *European Journal of International Relations* (4). P. 565–598. DOI: 10.1177/1354066106069324
- Istomin I.A. (2012). *Nauchnoye obespecheniye vneshnej politiki SSHA. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata politicheskikh nauk* [Analytical support in the U.S. foreign policy. PhD Dissertation]. Moscow: MGIMO University. 244 p.
- Ivanova N.A. (2012). Nauka v zerkale sotsial'nykh issledovaniy Bruno Latoura i Stevena Woolgara [Science in the mirror of the social studies of Bruno Latour and Steven Woolgar]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No. 2. P. 67–83
- Jesson J. (2011). *Doing Your Literature Review: Traditional and Systematic Techniques*. London: Sage. 192 p.
- Khrustalev M.A. (2006). Dve vetvi teorii mezhdunarodnykh otnoshenij v Rossii [Two branches of international relations theory in Russia]. *Mezhdunarodnye Protsessy*. No. 2.
- King G. K. (1994). *Designing social inquiry: scientific inference in qualitative research*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Kirsanov A. (2014). Kak sdelat' sait zhurnala bystro i nedorogo [How to make a web-site of the academic journal quickly and cheap]. *Vlast'*. No. 7. P. 220–224.
- Kosolapov N.A. (2002). Ideologiya i mezhdunarodnye otnosheniya na rubezhe tysyacheletij [Ideology and international relations in the beginning of the millenium]. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenij*. Moscow: NOFMO. P. 223–240.
- Kosolapov N.A. (2008). Porogovyy uroven' i veroyatnost' konflikta SSHA s Rossiej [Threshold and the probability of conflict of the U.S. with Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 15–25.
- Lakatos I. (2008). *Izbranniye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on philosophy and methodology of science]. Moscow: Akademicheskij proekt.
- Lane J., Owen-Smith J., Rosen R., Weinberg B. (2014). *New Linked Data on Research Investments: Scientific Workforce, Productivity, and Public Value*. IZA DP No. 8556. URL: <http://ftp.iza.org/dp8556.pdf> (accessed 20.05.2015)
- Latour B., Woolgar S. (1986). *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, New Jersey.
- Latour B. (2013). *Nauka v dejstvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri soobschestva* [Science in action: How to Follow Scientists and Engineers through Society]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. 414 p.
- Lebedeva M.M. (2003). *Mirovaya politika* [World Politics]. Moscow: Aspekt Press. 352 p.
- Leppold J. (1998). Is Anyone Listening? International Relations Theory and the Problem of Policy Relevance. *Political Science Quarterly* (1). P. 43–62. DOI: 10.2307/2657650
- Leppold J. N. (2001). *Beyond the Ivory Tower: International Relations Theory and the Issue of Policy Relevance*. New York: Columbia University Press.
- Levine D. B. (2014). The closing of the American mind: 'American School' International Relations and the state of grand theory. *European Journal of International Relations*, 20 (4). DOI: 10.1177/1354066114530010
- Lupia A. E. (2014). Openness in Political Science: Data Access and Research Transparency. *PS: Political Science & Politics*, 47 (1). P. 19–42. DOI: 10.1017/S1049096513001716
- Maliniak D. P. (2012). *TRIP Around the World: Teaching, Research, and Policy Views of International Relations Faculty in 20 Countries*. Williamsburg: The College of William and Mary.
- Marshakova-Shaikovitch I.V. (2008). *Rossiya v mirovoj nauke* [Russia in the global science]. Moscow: IFRAN. 227 p.
- Mearshimer J. W. (2013). Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations. *European Journal of International Relations*, 19 (3).
- Moravcsik A. (2014a). Transparency: The Revolution in Qualitative Political Science. *PS: Political Science & Politics*, 47 (1). P. 48–53. DOI: 10.1017/S1049096513001789
- Moravcsik A. (2014b). Trust, but Verify: The Transparency Revolution and Qualitative International Relations. *Security Studies*, 23 (4). P. 663–688. DOI: 10.1080/09636412.2014.970846
- Nair P. N. (2014). *Scientific Writing and Communication in Agriculture and Natural Resources*. Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-03101-9
- Popper K. (1983). Logika nauchnogo issledovaniya [Logic of scientific inquiry]. In *Logika i rost nauchnogo znaniya*. Moscow: Progress.
- Reckwitz A. (2002). Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing. *European Journal of Social Theory* (5). P. 243–263. DOI: 10.1177/13684310222225432

- Schatzki T. (1996). *Social Practices. A Wittgensteinian Approach to Human Activity and the Social*. Cambridge: CUP.
- Shakleina T.A. (2012). *Rossiya i SSHA v mirovoj politike* [Russian and the U.S. in world politics]. Moscow: Aspekt Press. 272 p.
- Shugal'skij S.S. (2012). Sotsial'nye praktiki: interpretatsiya ponyatiya [Social practices: interpretation of the notion]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 2. P. 276–280.
- Taleb N.N. (2009). *Chernyj lebed'*. *Pod znakom nepreskazuemosti* [Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow: Kolibri. 528 p.
- Tickner A. W. (2009). *International relations scholarship around the world*. Oxon: Routledge. 351 p.
- Tickner J. T. (2008). Risks and Opportunities of Crossing the Academy/Policy Divide. *International Studies Review* (1). P. 155–177. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.00769.x
- Torkunov A.V. (2012). Sovremennaya istoriya Rossii v mezhdunarodnom kontekste [Modern Russian history in international context]. *Vestnik MGIMO University*. No. 5. P. 45–48.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2005a). Postsovetskie issledovaniya mezhdunarodnykh otnoshenij v Rossii: pluralizatsiya, vesternizatsiya, izolyatsionizm [Post-Soviet studies of international relations in Russia: pluralization, westernization and isolationism]. In *Rossijskaya nauka mezhdunardonykh otnoshenij: novie napravleniya*. Moscow: PER SE. P. 19–48.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (eds.) (2005b). *Rossijskaya nauka mezhdunardonykh otnoshenij: novie napravleniya* [Russian studies in international relations: new directions]. Moscow: PER SE.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2006). *Sotsiologiya mezhdunardonykh otnoshenij: analiz rossijskikh i zapadnykh teorij*. Moscow: Aspekt Press. 238 p.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2014). Rossijskie mezhdunarodniki–teoretiki: opyt autoportreta [Russian international relations theorists: experience of self-assessment]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 9. P. 92–102.
- Tsygankov P.A. (2013). “Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika”. Konsolidatsiya uchebno-nauchnoj distsipliny. *Mezhdunarodnye Protsessy*. No. 3–4. P. 7–20.
- Tyulin I.G. (2002). Issledovaniya mezhdunarodnykh otnoshenij v Rossii: vchera, segodnya, zavtra [Study of international relations in Russia: yesterday, today and tomorrow]. In *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii. 1991–2002. Khrestomatiya v chetyrekh tomakh. Tom III. Issledovaniya*. Moscow: ROSSPEN.
- Voitolovskij F.G. (2006). “Proizvodstvo” intellektual'nogo prostranstva mirovoj politiki [Production of the intellectual landscape of global politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2.
- Voskresenskij A.D. (2006). “*Bol'shaya Vostochnaya Aziya*”: mirovaya politika i energeticheskaya bezopasnost' [Greater East Asia: world politics and energy security]. Moscow: Leland. 124 p.
- Voskresenskij A.D. (2013). Sotsial'nie proyadki i prostranstvo mirovoj politiki [Social orders and the space of world politics]. *Polis*. No. 2. P. 6–23.
- Waever O. (1998). The sociology of a not so international discipline: American and European developments in international relations. *International Organization*, 52 (4). P. 687–727. DOI: 10.1162/002081898550725
- Walt S. (2005). The Relationship between Theory and Policy in International Relations. *Annual Review of Political Science*. Vol. 8. P. 23–48. DOI: 10.1146/annurev.polisci.7.012003.104904
- Wittgenstein L. (1985). Filosofskie issledovaniya [Philosophic Studies]. *Novoye v zarubezhnoj lingvistike*. XVI. P. 79–128.
- Zhang Ruizhuang, Korolev A. (2010). Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij s kitajskoj spetsifikoj: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya [International Relations Theory with Chinese Characteristics: State of the Art and Tendencies of Development]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3. P. 96–110.